

в конечном счете концептуализируются в рамках поля, задающего как набор ролей, так и способы их представления². Иначе говоря, биография литератора определяется в первую очередь социальным статусом литературы.

**Биографическая серия:
«Опыт исторического словаря
о российских писателях» (1772)
Н. И. Новикова**

Прежде всего следует отметить особую связь писательской биографии с публичной сферой, с «миром известности», возникающим, с одной стороны, благодаря периодической прессе, где появляются сообщения о важных событиях, призванных заинтересовать читателей, а с другой — литературным произведениям и обслуживающим их библиобиографическим жанрам (например, некролог, похвала автору, преамбулы к его сочинениям и т. д.). И в этом случае расхожие формы представления человека (бюрократическое «исчисление дел» и заслуг) или риторическое красноречие получают качественно иное значение, когда начинают использоваться для наделения статусом таких позиций, которые прежде либо не существовали, либо имели маргинальный характер. Таким образом формируются различные виды культурного и символического капитала, связанные с умножением форм досту-

---

² О литературном поле см. программную статью: Бурдьё П., «Поле литературы», в кн.: П. Бурдьё, *Социальное пространство: поля и практики*, пер. с фр.; отв. ред. пер., сост. и послесл. Н. А. Шматко. М.: Ин-т экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2005, с. 365–473, а также: Шарль К., *Интеллектуалы во Франции: Вторая половина XIX века*, пер. с фр. Г. Галкина и др. М.: Новая книга, 2005; Viala A., *Naissance de l'écrivain*. P.: Minuit, 1985.

па в публичное пространство. Ниже будут рассмотрены биографические тексты, объединенные в соответствии с определенными, четко эксплицированными принципами в биографическую серию. Первым текстом такого рода является «Опыт исторического словаря о российских писателях», изданный Н. И. Новиковым в 1772 году и проложивший дорогу последующим изданиям подобного типа.

Текст Новикова интересен с нескольких точек зрения. С одной стороны, это первая попытка систематизации и публикации сведений о русских авторах. С другой — словарь можно рассматривать не только как исторический источник, но и как своеобразное конституирование социальной группы в эпоху, когда авторское сознание (индивидуальное и групповое) еще только начинало складываться. В этом плане биографии, которые приводятся в словаре, выполняют особую задачу: они репрезентируют существование нового типа — писателя. Специфика новиковского словаря состоит в том, что в него вошли сведения не только о «литераторах» в собственном смысле слова, то есть создателях беллетристических произведений, но и о переводчиках, проповедниках, ученых — всех тех, кто издал хотя бы один текст любого содержания, указав свое имя³. Можно сказать, что общность здесь возникает благодаря сочетанию формальных критериев (сочинения) и необходимых для этого качеств — образованности, просвещенности, знания иностранных языков и «острого ума».

Итак, писатель представляет собой общественно значимую фигуру, поскольку его труд обращен к «просвещенной публике», обеспечивающей признание и известность. Первый русский Академический словарь фиксирует связь понятия «слава» и литературного творчества: «слава — есть общепризнаваемая, придаваемая честь, похвала, славное имя, приобретаемое добродетелью, заслугами, высокими качествами, отменными деяниями, изящными сочинениями»⁴. Можно сказать, что в отличие, например, от полководца, подвиги которого имеют самостоятельную цен-

---

³ В XVIII веке слово «писатель» не было связано с литературой и относилось к людям, создающим самые разные тексты (писатель — «географический», «исторический», «политический», «светский», «церковный» и т. д.), см.: *Словарь русского языка XVIII века*, вып. 19. СПб.: Наука, 2008, с. 213.

⁴ *Словарь Академии Российской*, т. 4, с. 513.

ность, поскольку служат достижению политических целей, для писателя признание со стороны читателей является единственным легитимирующим основанием его деятельности.

Тексты новиковского «Опыта» построены по одной схеме. Источником такой формы стало эпидейктическое красноречие, где задавался порядок представления человека: это необходимые указания на род, отечество, родителей, воспитание, упоминание личных дарований. Последние делятся на телесные, душевные и зависящие от судьбы. «Телесные блага суть, — пишет Феофан Прокопович — статность, подвижность, быстрота, красота. <...> Душевные же дарования сметливость, память, способность суждения. Сюда же относится все, что совершается справедливо, в меру, храбро и мудро... Дарами судьбы считаются: главенство, почести, власть, богатство, друзья»⁵. Эта общая схема должна была модифицироваться, для того чтобы служить конкретным задачам, довольно далеким от составления панегириков знатным особам. Биографические словари предлагали свои варианты схематизации, и показательно, что в предисловии к «Историческому словарю...» Жана-Батиста Ладвока (1709–1765) переводчик сообщает, по какому именно принципу составлены описания: «Должно быть упомянуто 1. Имя и прозвание особы славной, знатной и оказавшейся отменною в каком-либо жизни своей случае. 2. Ее качество с некоторыми прилагательными по приличности к ее достоинству наименованиями. 3. День, год и место ее рождения. 4. Оные отец или ее фамилия. 5. Ее главнейшие действия или ее звание. 6. День, год и место ее смерти. 7. Отменный характер оной. Если речь идет о короле, императоре или папе — главнейшие в их царствовании случаи, если полководец — главные битвы, художник — лучшие картины, писатель — сочинения»⁶.

---

⁵ Прокопович Ф., *Сочинения*. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1961, с. 376.

⁶ Ладвок Ж.-Б., *Исторический словарь, содержащий в себе историю патриархов, еврейских царей, императоров, королей, и великих полководцев, богов и героев древняго язычества, пап, св. отец, епископов и кардиналов; историков, стихотворцев, ораторов, богословов, юрисконсультов, медиков и проч.: С их главнейшими сочинениями и с лучшими их изданиями; ученых женьщин, искусных художников, и проч. и вообще всех знатных и славных особ всех веков и всех в свете земель, в котором обьявляется все, что ни есть любопытства достойнейшее в священной и светской истории*. СПб.: Тип. при Сухопутном шляхетском корпусе, 1769, с. 1–2.

Тексты, составляющие издания энциклопедического типа, как правило, включают наиболее общие характеристики человека, и репертуар используемых понятий здесь достаточно ограничен. Таким образом, речь идет о представлении героев в режиме репрезентативной публичности⁷, где они исполняют роль статистов, подчиненных жестко регламентированным требованиям — поведенческим во время придворных церемониалов и риторическим в тексте. Это очевидным образом контрастирует с искусством характеристики, возникшим под влиянием сочинений французских моралистов — в первую очередь Ларошфуко и Лабрюйера, во многом определивших дух частных текстов XVIII столетия (переписки и мемуаров). Перед нами именно официальное представление человека.

Если перейти к текстам новиковского «Опыта», то сразу бросается в глаза их неравнозначность как по объему, так и по сведениям об авторах. Наряду с более или менее развернутыми статьями об Амвросии, Ф. Г. Волкове, А. Кантемире и М. В. Ломоносове, где использованы послужные списки и приводятся в качестве примеров литературные тексты, в словарь включены сообщения об авторах, известия о которых уместаются в одну строку⁸. Схема, по которой составляются словарные статьи, не эксплицируется, и ее вид во многом зависит от источников и включает разделы библиографического характера. В целом можно было бы выделить следующие рубрики: 1) имя, фамилия, 2) должность, 3) биографические данные, включающие важнейшие события, даты жизни и смерти, 4) характеристика литературной деятельности, 5) личные качества (свойства характера), 6) сообщения о рукописях, публикации текстов, посвященных данному автору, элоги, эпитафии и т. д.

Характеристика автора включает, помимо имеющего специальное значение описание литературного стиля, знание языков, указания на образованность и «свойства ума». Так, например, Я. В. Брюс характеризуется как «муж высокого ума, острого

---

⁷ Для характеристики репрезентативной публичности Хабермас использует театральную метафору («инсценирование публичности»), см.: Habermas J., *The Structural Transformation of the Public Sphere*, p. 8.

⁸ См., например: «Юдин Федор — регистратор главной дворцовой конюшенной канцелярии, писал стихи, из которых напечатана одна только ода 1771 года в Санктпетербурге» (Новиков Н. И., *Избранные сочинения*, с. 368).

рассуждения, твердой памяти и добродетельного жития»⁹. Об основоположнике русского театра Ф. Г. Волкове говорится, что «сей муж был великого, обымчивого и пронизательного разума, основательного и здравого рассуждения и редких дарований, украшенных многим учением и прилежным чтением наилучших книг»¹⁰. Эмин «был человеком острого и пронизательного разума; чтением древних и новых авторов на разных языках приобрел он великое просвещение; имел с природы критический дух и веселый нрав»¹¹.

Наиболее последовательным образом в тексте новиковского «Словаря» используются понятия, выражающие «добродетели». О Б. Е. Елчанинове говорится, что он «любил честь, добродетель»¹². Дмитрий Ростовский был «богобоязливым и честным» и сам «любил добродетельных и честных людей»¹³. А. Мятлев был «тихого нрава, честного поведения»¹⁴. С. Крашенинников «в поступках был человек честного обхождения»¹⁵. Смерть Козловского «оплакивали искренно не только друзья его, но и знакомые, так, как честного, разумного и добродетельного человека»¹⁶. Ф. Мочульский сочинил «много похвальных слов... но по скромности своей ни одного не издал в печать»¹⁷; Елчанинов «скромнен и постоянен»¹⁸; Д. Сеченов «правдив, искренен, тверд и великодушен»¹⁹. Понятию «честь» противопоставлено понятие «честный», «честный человек» с моралистическим значением «человек, превыше всего любящий истину»²⁰. Во второй половине XVIII века можно уже говорить о том, что слово «честь», указывающее на дворянский статус, подвергается, особенно в моралистических журналах, переосмыслению за счет актуа-

---

⁹ Новиков Н. И., *Избранные сочинения*, с. 288.

¹⁰ Там же, с. 292.

¹¹ Там же, с. 367.

¹² Там же, с. 301.

¹³ Там же, с. 298.

¹⁴ Там же, с. 328.

¹⁵ Там же, с. 311.

¹⁶ Там же, с. 314.

¹⁷ Там же, с. 328.

¹⁸ Там же, с. 301.

¹⁹ Там же, с. 352.

²⁰ Об этом см.: Клейн И., *Пути культурного импорта*: Труды по русской литературе XVIII века, с. 335.

лизации такого значения, как «честность»²¹. В новиковском словаре, очевидно, сосуществуют различные оттенки понятий «честь — честность» (это и «честь рода» М. М. Щербатова, и пастырская «честность» Дмитрия Ростовского, и неназванные «честные люди», скорбящие о Кантемире), но в конечном счете преобладающим оказывается именно понятие «честность», что подчеркивает нивелирующую тенденцию всего издания Н. И. Новикова.

Еще одним важным элементом характеристики являются указания на дружеские связи и дружеские отношения²². Например, об И. Ильинском говорится, что он «праводушный и добродушный муж, друг нелицемерный»²³; о Ломоносове, что он «к Отечеству и друзьям своим был верен»²⁴; о Ф. Волкове: «друзей имел немногих, но наилучших, и сам был друг совершенный, великодушный, бескорыстный и любящий вспомоществовать»²⁵; Елчанинов «в дружбе был верен, скромен и постоянен. <...> Если ж можно было в нем что похулить, так это было чрезмерное его чистосердечие и излишняя доверенность к тем его друзьям, которые оказались сего недостойными»²⁶. Указания на дружбу и, шире говоря, «дружественность» являются элементами формул, выражающих социальные качества, необходимые для жизни в обществе, — общительность, дружелюбие и привлекательность. О Ломоносове сообщается, что «нрав имел он веселый, говорил

---

²¹ В этом случае оно может связываться с другой социальной группой и, например, как полагает Н. Пнин, закрепивший за каждым сословием свою добродетель, «честность» является добродетелью мещанского (сословия): «исправность и честность» (Пнин И. П., *Сочинения*, вступ. ст. и ред. И. К. Луппола; подгот. к печати и коммент. Б. Н. Орлова. М.: Изд-во Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльно-поселенцев, 1934, с. 141).

²² Упоминание о друзьях и дружеских отношениях в эпидейктическом красноречии кодифицировано риторикой. Так, чтобы создать образ человека, «достойного похвалы», необходимо показать, какими качествами или, как говорит Аристотель, «благами» он обладает. Когда оратор говорит, что некий человек — «хороший друг», он исходит из того, что «вообще мы любим тех людей, которые сильно привязаны к друзьям и не покидают их, потому что из хороших людей более всех любят таких, которые сами способны любить достойно» (Аристотель, *Риторика. Поэтика*, пер. с древнегреч. О. П. Цыбенко под ред. О. А. Сычева и И. В. Пешкова; В. Г. Апелльбота под ред. Ф. А. Петровского. М.: Лабиринт, 2000, с. 68).

²³ Новиков Н. И., *Избранные сочинения*, с. 302.

²⁴ Там же, с. 323.

²⁵ Там же, с. 292.

²⁶ Там же, с. 301.

коротко и остроумно и любил в разговорах употреблять острые шутки... во обхождении был по большей части ласков, к искателям его милости щедр»²⁷; о Кантемире: «разговоры свои, в коих находилось больше основательности, нежели живости, умел он прикрашивать приятными шутками. Приятное его обхождение способствовало к наставлению других, но без всякого тщеславия и гордости. <...> Он был нежного сложения и хотя непригож лицом, однако имел разумное и в любовь к себе привлекающее лицо»²⁸.

Особое значение имеют также указания на литературный успех того или иного автора, его причастность славе: про М. Веревкина сообщается, что он «большую заслужил от общества похвалу и более во оном известен переводом на российский язык Сюллиевых записок. <...> Сей перевод всеми знающими людьми много похваляется»²⁹; про Башилова — что «перевел много весьма полезных книг с великим успехом»³⁰. Переводы Глебова из «Истории великих мужей, выбранных из Плутарха... сделают ему великую честь и похвалу»³¹. Характерное замечание, соединяющее ораторский успех с репутацией «доброго мужа», есть в биографии Стефана Яворского: «Начал он сочинять и проповедывать поучительные слова, которые, пленя слушателей, утверждали их в принятом всеми о нем хорошем мнении»³². Подобные примеры можно найти и в опубликованном в 1766 году в одном из лейпцигских журналов «Известии о некоторых русских писателях», о котором упоминает Новиков в предисловии к своему «Опыту словаря». Так, говоря о Тредиаковском, автор немецкого текста пишет о том, что «общество» с одобрением приняло «его перевод древней и римской Истории Роллена, не взирая на некоторые его недостатки»³³.

---

²⁷ Новиков Н. И., *Избранные сочинения*, с. 323.

²⁸ Там же, с. 309.

²⁹ Там же, с. 289.

³⁰ Там же, с. 284.

³¹ Там же, с. 251.

³² Там же, с. 369.

³³ Цит. по: *Материалы для истории русской литературы*, изд. и предисл. П. А. Ефремова. СПб.: Тип. И. И. Глазунова, 1867, с. 131.

Уже отмечалось, что успех у читателя, известность становятся главным способом оправдания писательского труда³⁴. При этом необходимо отметить, что Новиков использует слово «общество» и не использует слово «публика». В двухтомном словаре И. Нордстета эти понятия могли рассматриваться как синонимы, тогда как «Словарь Академии Российской» предлагает более широкое значение слова «общество» — «народ, под одними законами живущий», противопоставленное отдельному сословию людей или корпорации — «обществу ученых мужей»³⁵. В тексте новиковского словаря понятие «общество» употребляется и в его конкретном значении, как наименование группы или объединения (например, об А. А. Нартове говорится, что он «Вольного экономического общества и Лейпцигского ученого собрания член»³⁶), так и в широком смысле³⁷. Для Н. И. Новикова главным адресатом его издания было «просвещенное общество», что указывало на высокий статус

---

³⁴ Во второй половине XVIII века проблемы служения обществу и те формы, в которых оно должно осуществляться, являются предметом серьезных рефлексий. Так, Ф. Эмин в своих полемических «Письмах Эрнеста и Доравры» (1766) говорит: «Есть много таких гордых людей ученых, кои обучая какой-нибудь науке, либо когда им удастся написать какую-нибудь речь, или сплести стихи, то они столько оному своею удачею гордятся, что и общество презирают, а часто оному и угрожают, что перестанут писать, как будто от их писаний общества благополучие состоит. Такие думают, что такими угрозами они много-отомщевают тем, кои их не почитают; но им все смеются. Если они будут писать, то себе сделают пользу; а ежели нет, то их книжные доходы уменьшатся. Толь гордые ученые люди по справедливости общественного презрения достойны; ибо они, сколько бы учены ни были, не должны хвастаться своим знанием, но должны употреблять оное для пользы общества, для которого благополучия все честные люди все свои силы и знания употреблять должны. Кто в том спорит, что знать науки есть весьма почтенное, полезное и похвальное дело, но надобно оные знать не для себя одного, но для пользы общественной; следовательно не надлежит гордиться тем, что мы для других имеем, и чем мы обязаны делать пользу другому. Смешон бы был тот слуга, который за то, что умеет изрядно служить, предпочел бы себя господину и его бы презирал; а для меня еще смешнее тот Оратор или Стихотворец, который угрожает обществу, что перестанет писать, будучи должен всеми силами и всею своею способностью оному служить» (Эммин Ф. А., *Письма Эрнеста и Доравры*, в 4 ч. СПб.: Тип. Академии наук, 1766, ч. III, с. 133–135).

³⁵ *Словарь Академии Российской*, т. IV, с. 601.

³⁶ Новиков Н. И., *Избранные сочинения*, с. 328.

³⁷ В преамбуле к словарю Новиков просит сообщать ему известия о писателях, выражая надежду, что благодаря этому «труд мой от просвещенного общества заслуживает внимание» (там же, с. 278). Веревкин своими сочинениями «сыскал от общества похвалу» (там же, с. 289). То же самое о Козицком (там же, с. 313).

образования, противопоставленного знатности привилегированных слоев (good society), где писатель представлял собой воплощение просвещенного человека как такового.

Таким образом, в текстах новиковского словаря воспроизводится в наиболее общем виде тот нововременный субъект, формирование которого открывает возможность развития светских биографических жанров в противоположность агиографической традиции. Основные его черты — образование, острый ум и набор социальных качеств, делающих возможным сосуществование с другими людьми в рамках общества, принципы построения которого оставались достаточно неопределенными. Литература здесь выступает в своей неспецифической ипостаси и служит вместе, например, с педагогикой задачам политического конструирования, где просветительская функция преобладает над эстетической. Этим определяется поливалентность биографических текстов, входящих в «Опыт», которые, преследуя биобиблиографические цели, стремятся нивелировать иерархию, основанную на социальном статусе, и заменить ее иерархией, основанной на «писательских заслугах»³⁸, которые оказываются тождественными просвещению как таковому.

При этом, нивелируя статусные позиции на основании значимости того или иного автора, Новиков пытается создавать новые репутации и пересматривать уже существующие. О Г. В. Козицком, например, говорится: «Сии малые опыты трудов его принять можно за основательные доказательства, что сей искусный и ученый муж приобрел бы не последнее место между славными российскими писателями, ежели бы не отвлечен был должностями, на него возложенными, от упражнения во словесных науках»³⁹. Здесь мы видим риторику «изменения масштаба»: «малые опыты» являются «основательными доказательствами», незаметное становится весомым. Попытки внести изменения в привычные

---

³⁸ Н. И. Новиков, наряду с крупными вельможами, например А. Д. Кантемиром, включает в словарь авторов, принадлежащих к «третьему сословию». Так, про С. Крашенинникова говорится, что «он был из числа тех, кои не знатностию породы, не благодеением счастья возвышаются, но сами собою, своими качествами, своими трудами и заслугами прославляют свою породу и вечного воспоминания делают себя достойными» (Новиков Н. И., *Избранные сочинения*, с. 97).

³⁹ Там же, с. 314.

схемы и присвоить себе право определять заслуги того или иного автора не могли не вызывать ответной реакции, если он еще жив. В этом случае вставал вопрос о легитимности этой процедуры и праве говорящего осуществлять власть номинации. Хорошо известна реакция одописца екатерининский эпохи Василия Петрова на характеристику, данную ему Новиковым: «Вообще о сочинениях его сказать можно, что он напрягается итти по следам российского лирика; и хотя некоторые и называют уже его вторым Ломоносовым, но для сего сравнения надлежит ожидать важного какого-нибудь сочинения и после того заключительно сказать, будет ли он второй Ломоносов или останется только Петровым и будет иметь честь слыть подражателем Ломоносова»⁴⁰. Петров пишет сатирический ответ Новикову, в котором высмеивается «Словарь»⁴¹.

«Опыт исторического словаря о российских писателях» Н. И. Новикова позволяет сделать некоторые наблюдения, касающиеся как становления биографических жанров, так и собственно биографии писателя. В первую очередь следует подчеркнуть роль риторики, не только задающей описательные матрицы, но и актуализирующей моральную концепцию человека, в основании которой находится момент признания, одобрение и неодобрение других людей. Схематизм биографий новиковского «Опыта словаря», формулы и характеристики создают, при общем соблюдении требований социального поля, напряжение, которое является важной чертой биографических текстов, актуализирующих противоречие между различными представлениями о ценностях человеческого существования и правом на авторитетное суждение. Вовлечение новых участников, тех, кто может быть «упомянут» и наделен историей, смысловые смещения, производимые внутри используемых

---

⁴⁰ Там же, с. 335–336.

⁴¹ В сатире Петрова, помимо всего прочего, были высмеяны принципы составления новиковского издания и сами способы репрезентации литераторов: «В том разума был пуд, а в этом четверик / Тот истину хранил, чтил сердцем добродетель / Другьям был верный друг и бедным благодетель / В великом теле дух великий же имел / И видя смерть в глазах был мужествен и смел» (Сухомлинов М. И., «Н. И. Новиков, автор исторического словаря о русских писателях», в кн.: М. И. Сухомлинов, *Исследования и статьи о русской литературе и просвещении*, в 2 т. СПб.: А. С. Суворин, 1889, т. 2, с. 14). О восприятии новиковского «Словаря» современниками см. там же, с. 11–14.

понятий, — все это может быть рассмотрено как попытки социального моделирования, присущего второй половине XVIII века. Биографическая серия, благодаря некоторым формальным особенностям — алфавитному порядку, а также, если говорить об «Опыте» Новикова, произвольности отбора и размытости критериев — представляет свою версию общества, устанавливающего собственную систему ценностей и отстаивающего право на осуществление «власти номинации».

Таким образом, мы видим, что писатель становится синонимом просвещенного человека, а «писательское сословие» должно составлять основу просвещенного общества как такового. Предприняв попытку его концептуализации, Новиков оказывается на чужой территории, поскольку именно вопрос о том, что значит «быть просвещенным», — прерогатива верховной власти, устанавливающей и контролирующей отношения в социуме⁴². И здесь «литература» приобретает особую двойственность, будучи одним из моментов культурной политики власти и в то же время представляя собой универсальный инструмент преобразования человеческой природы и общества, который может быть использован любыми силами.

Поэт-ученый: Кантемир

Биографии, входящие в «Опыт» Н. И. Новикова, имеют, как правило, компилятивный характер и часто включают большие фрагменты текстов, принадлежащих другим авторам. Так, например, статья о Кантемире по большей части составлена из вступительной статьи к изданию сочинений сатирика, написанной поэтом Иваном Барковым («Сатиры и другие стихотворческие сочинения князя Антиоха Кантемира, с историческими примечаниями и с кратким описанием его жизни», 1762). Если сравнивать эти два текста, то текст Новикова, опускающий многие детали

---

⁴² О литературе и политике в эту эпоху см.: Клейн И., «Литература и политика. “Недоросль” Фонвизина», в кн.: И. Клейн, *Пути культурного импорта*, с. 478–489.